

Пока Лю Шу недоумевал, зачем Тань Мэн отправила его в дом главы деревни в такое время, мимо него проехал на велосипеде человек в одежде черно-красных тонов.

Лю Шу даже не повернул головы, чтобы посмотреть, кто это. Он знал, кто это был, и не хотел смотреть на него. Этот человек был источником его страданий в последнее время. Вспоминая, как тот выглядел вчера во время съемок последней сцены, Лю Шу забыл о своей маленькой обиде и внезапно почувствовал, что этот человек пугает.

Гордость и очарование — вот что Лю Шу видел на лице этого человека.

— Как баба! — с отвращением прошептал он, опустив голову.

Пробежав мимо магазина, он вспомнил, что у него есть несколько юаней, быстро забежал внутрь, на ощупь набрал несколько пачек лапши с перцем и конфет, заплатил и с красным полиэтиленовым пакетом продолжил путь к дому главы деревни.

Проходя мимо деревенской площади, он заметил, что это единственное место в деревне с большой бетонной площадкой длиной двести метров и шириной пятьдесят метров. Площадь находилась между прудом и группой старых домов, где проводились похороны старейшин деревни. На площади был баскетбольный корт, где дети любили играть, но никогда не играли серьезно.

Сегодня все было иначе. Несколько детей и Цинь И в черно-красном трикотажном свитере играли в баскетбол. Впервые увидев, как играют в баскетбол за пределами школы, Лю Шу увлекся и, услышав радостные крики детей, тоже засмеялся. Но когда он встретился взглядом с тем, кто тоже смеялся, его улыбка сразу исчезла, и он свернул на короткую дорогу к дому главы деревни.

Цинь И вдруг бросил мяч одному из детей и сел на край, тяжело дыша и смеясь.

За последние три месяца он часто приходил сюда играть в баскетбол. Сегодня вечером он уезжал, и ему стало немного грустно.

Встав, он тихо ушел.

Тихий уход был лучшим прощанием — без сожалений, без печали.

Лю Шу только подошел к дому главы деревни, как услышал, как кто-то хвастается. Забор двора был высотой около двух метров, и Лю Шу, встав на большой камень, приподнялся на цыпочках, чтобы заглянуть внутрь. Дерево закрывало ему обзор, но вскоре он услышал голос Тань Мэн.

Оказалось, что Тань Мэн уже пришла в дом главы деревни раньше него.

— Я только немного посмотрел на баскетбол, и уже так отстал, — тихо сказал Лю Шу, собираясь крикнуть, но тут услышал, как Тань Мэн говорит о нем.

Лю Шу тотчас наострил уши и, идя вдоль стены, стал подслушивать, что говорит Тань Мэн.

— Режиссер, нашего Лю Шу прошу вас. У этого парня хорошие задатки, и мы не хотим, чтобы он зря пропал в горах.

Как только Тань Мэн закончила, Лю Шу услышал, как Чэнь Юйши доброжелательно сказал:

— Внешность и рост Лю Шу действительно будут приветствоваться в шоу-бизнесе, но, похоже,

он немного застенчив и не раскрывается перед камерой.

— Тогда он сможет пробиться? — спросила Тань Мэн, и нервная струна у нее натянулась, ладони покрылись потом.

— Его данные подходят, если он сам захочет, то конечно сможет. Мы земляки, и Чэнь позаботится о Лю Шу как о родном сыне для брата и невестки. Чэнь Юйши за эти три месяца постоянно слышал от главы деревни рекомендации о Лю Шу и присматривался к нему. Он знал, что Лю Шу не очень любит эту профессию, но у него есть талант.

Ценивший таланты Чэнь Юйши понимал, что таким людям, как Лю Шу, в деревне действительно жалко пропадать. Имея просьбы главы деревни и Тань Мэн, он решил взять его в город и как следует развить, веря, что тот его не подведет.

Глава деревни Ван Шэнь в этот момент поднял чашу вина и чокнулся с Чэнь Юйши, выпив залпом. Покраснев, он сказал:

— Наш Да Гэнь очень любит актерскую игру, только путунхуа у него неважный, жаль. Но он будет рад поехать в город, а с Лю Шу ему будет хорошо.

Тань Мэн кивнула, глядя на листья финикового дерева на земле, и ее глаза покраснели.

— В городе, рядом с меня не будет, он точно не будет меня слушаться. Тогда придется побеспокоить вас, режиссер, присматривать за ним. Будьте с ним строже, даже если придется применить силу, главное — не дайте ему лениться.

Чэнь Юйши кивнул и оглянулся на сидевшего в стороне Лю Дачжуана. Тот смотрел в небо с печальным выражением лица, о чем-то задумавшись, от горя брови даже нахмурились. Несколько зеленых фиников, которые он только что вертел в руках, теперь спокойно лежали на его ладони.

Лю Шу, стоявший за забором, взял соленое мясо и вернулся домой. К трем часам дня Лю Дачжуан вернулся один.

— Папа, я купил тебе конфеты, держи. Пойдем со мной в поле.

Лю Дачжуан медленно подошел к Лю Шу, взял конфеты и посмотрел на него, не открывая рта.

— Хочешь что-то сказать мне? Я слушаю.

Лю Дачжуан открыл рот, и на глазах выступили слезы. Он беззвучно говорил, что его маленький спутник, который играл с ним столько лет, уезжает, и в этот раз его больше не вернут. На душе было очень тяжело.

Рядом больше не будет друга, и никто не будет с ним разговаривать. Куда он пойдет? Что он будет делать?

— Ты спрашиваешь, куда я поеду? — спросил Лю Шу, и Лю Дачжуан кивнул.

На самом деле он сам не знал, куда поедет. Он не понимал, почему мать так настаивает на его отъезде.

В выпускном классе мать думала, что он поступит в университет и уедет из деревни, но из-за того, что у отца случился приступ безумия, он запер сына дома, а сам ушел гулять, из-за чего

Лю Шу пропустил два экзамена. Парни из деревни уезжали на заработки, и когда они возвращались на Новый год, мать спрашивала у каждого, не могут ли взять ее сына с собой, но тот возвращался с чемоданом меньше чем через неделю.

Так было раз за разом. Ему уже двадцать один год, а он все еще ничего не понимает в жизни. Скажешь, что он лентяй — нет, и в поле работает, и тяжелую работу в деревне делает, просто не хочет уезжать в горы. Есть еда — и о будущем не думает.

— Папа, что с тобой? Я уеду всего на пару дней, как только деньги кончатся, вернусь. Разве не так было всегда? О чем ты плачешь? — Лю Шу не понимал, почему Лю Дачжуан вдруг так расстроился, и смеялся над ним, говоря, что ему должно быть стыдно плакать такому взрослому мужчине.

Хотя на этот раз Тань Мэн поручила его важному человеку, для Лю Шу это ничего не значило. Если он захочет вернуться, разве он не сможет?

Вечером Тань Мэн вернулась с работы на фабрике сухофруктов. Пока Лю Шу грел воду для купания и шел из заднего двора в переднюю комнату, он увидел, как Тань Мэн складывает всю его одежду и вещи в красно-бело-синюю клетчатую сумку.

— Вы хотите, чтобы я снимался в кино? — спросил он ее, но Тань Мэн молчала, не отвечая Лю Шу. Она постирала его грязную одежду и сушила ее у печи, и только вошла в дом, чтобы поговорить с ним.

— Лю Шу, ты уже не маленький, в нашей семье нет денег, и если ты останешься здесь, не сможешь найти жену, это меня мучит. Здесь нет перспективы. Завтра поедешь в город с режиссером Чэнем, он устроит тебя на работу.

Лю Шу кивнул и сел с отцом смотреть телевизор.

— Путунхуа выучи хорошо, старайся произносить реплики, будь активнее, тогда тебя не будут обижать.

— Угу, — безразлично ответил Лю Шу, зная, что через несколько дней он снова вернется.

— И слушай меня внимательно, я попрошу режиссера следить за каждым твоим шагом. Если не заработаешь денег, не возвращайся. На этот раз я серьезна, бабушка и дедушка уже умерли, и никто тебе не поможет.

Лю Шу естественно знал характер Тань Мэн и, пока она говорила миролюбиво, не смел бунтовать, только тихо спросил, сколько денег нужно заработать, чтобы вернуться.

Раньше за него заступались бабушка и дедушка, но после смерти последней бабушки в прошлом году против его отъезда остался только Лю Дачжуан, но его положение в семье в итоге было ниже, чем у матери, и протест не имел смысла.

— Сможешь построить кирпичный дом, такой же, как у главы деревни, тогда вернешься, — сказала Тань Мэн, даже не думая о новом доме. Она не знала, сколько стоит строительство дома, но знала, что на протяжении всей своей жизни она таких денег не зарабатывает, поэтому поставила Лю Шу такое условие. Это можно назвать спором: посмотрим, хватит ли у него умения вернуться.

Лю Шу не посмел возразить. Он ведь никогда и не думал о женитьбе и строительстве нового

дома, и вдруг услышав такое от Тань Мэн, он только жалел, что раньше не постарался заработать немного больше денег.

На следующее утро, как только рассвело, Лю Дачжуан положил две конфеты на ладонь Лю Шу в качестве прощального подарка.

Тань Мэн рано ушла на фабрику на работу и не провожала его, только поручила главе деревни присматривать за Лю Дачжуаном, чтобы тот не побежал за ним вниз с горы.

Лю Шу и Да Гэнь сели в микроавтобус, а Чэнь Юйши, сидевший на переднем пассажирском сиденье, все время оборачивался и шутил с ними. Будучи чуть старше пятидесяти, он говорил остроумно и весело, человек он был добрый, и два парня постоянно смеялись его шуткам.

<http://bllate.org/book/16834/1548295>